

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

ЛАРИСА АБДУЛЛИНА

* * *

“Деньги ляжку жгут...”
Егор Прокудин

В избытке нынче у меня денегат —
Хошь, одолжу? Разбогател, не скрою!
Да сам не знаю — рад или не рад...
Вот захочу — дворец в Уфе построю,

А пожелаю — на морское дно
Спущусь и загляну в глаза акулам,
Иль на Луну слетаю — всё равно
Там кто-то есть, землянами не пуган!

Так что мне делать? Город, что ль, купить?
По юности своей собрать поминки?
Ах, как я рвался денег раздобыть —
Но жизнь обобрала меня до нитки...

Не пахнут деньги пóтом — что сказать?
Болотной тиной пахнет страсть наживы.
Я как-то умудрился не пропасть,
Но пусто сердце, и надежды лживы...

Не пахнут деньги пóтом — что сказать?
Нет силы в них. Дурацкая затея!
А ведь ещё буквально год назад
Я взламывал замки у богатея.

И что теперь? Как мне без силы жить?
В хмельном угаре дни швырять азартно?
Ах, если б совесть чистую купить
В воскресный день на площади базарной!

САМ С СОБОЙ

Всё больше тех вокруг, кто сам с собою,
Как будто с Богом, тихо говорит.
Порой слова полны горячей болью,
Обида и досада в них горит...

Кто доверяет сам себе секреты,
Кто признаётся в искренней любви —
О мир, не оставляй их без ответа,
Признанья и сомнения лови!

Порой им просто не с кем поделиться,
Порой ведёт безумье в никуда...
А у прохожих каменные лица,
И взгляды утекают, как вода.

С надеждой выхожу я в город снова,
Я песню, осень, подарю тебе! —
Но за кого принять меня готовы
Прохожие в бесчисленной толпе?

ЧЕРНОВИК

Ты жизнь превратил в черновик —
Но разве напишешь с начала
На чистом листе эти дни,
Зачёркнутые дочерна?
И можно ли пепел зажечь,
Когда уже всё отпылало?
И к жизни надежду вернуть,
Когда бездыханна она?

И где ты отыщешь тетрадь,
Чтоб выписать всё безупречно?
И разве обманешь судьбу —
Она ведь стоит за плечом!
Ты думаешь, не было дня,
Когда он людьми не замечен?
Надеешься всё зачеркнуть
И выдохнуть: “Я ни при чём”?

Но сам-то ошибки свои
Ты знаешь точней, чем учитель,
И носишь с собой черновик,
Где каждая строчка черна.
Ты думаешь, эту тетрадь
Никто в целом мире не видел?
Неважно — куда б ты ни шёл,
С тобой неизменно она.

г. Уфа

Переводы Нины Ягодинцевой
(г. Челябинск).

ПАВЕЛ ТРИШКИН

* * *

Пока я чистил снег совковою лопатой,
Очередной тиран с очередным магнитом
Кроили мир в очередной войне,
Жизнь падала, а нефть росла в цене,
Да штрафы поднимали депутаты
В моей, по-прежнему родной, стране.

Всё истеричней бились в интернете
Остатки честных и пиар-рабы,
Открытых писем жалкие мольбы
Беспомощно зывали об ответе,
Я чистил снег, и в зыбком зимнем свете
Росли сугробов белые горбы.

* * *

Дети играют в скинхедов,
— Ты, — говорят, — будешь негром,
Станем тебя бить ногами:
Беги, Ваня!

Что поделать, в деревне
Нет настоящих негров,
Есть телевизор, в нём дяди
С умными головами:
Беги, Ваня!

Беги, Ваня, к деду,
У деда двадцать медалей,
Он никого не боится,
Тем более этой швали:
Беги, Ваня!

Ваня стоит и молчит,
Сжал кулаки и ждёт,
Давайте, дети, посмотрим:
Чья возьмёт!

* * *

Простое и настоящее сходятся на перекрёстке,
Стоит и чешет макушку, вычёсывая мыслишки,
Герой моего времени, не вышедший силой и ростом,
Простой и настоящий, обычный русский парнишка.

Направо — нефть и откаты, налево — стакан и бойня,
Прямо — снега по пояс, да полоса препятствий,
Вроде двигаться надо, а вроде на месте спокойней,
Но раз уж вылез в герои, придётся определяться.

Калужская обл., пос. Ферзиково

ВАЛЕНТИН ЕРМАКОВ

* * *

Ты теребила пуговики пальто
И говорила чуть не со слезами,
Что нет любви,
Что нет — совсем,
И что
Её поэты выдумали сами.

А я не знал, чем убедить,
И вновь
Тебе стихи писал я до рассвета.
Нет,
Не поэт выдумывал любовь,
Любовь сама придумала поэта.

* * *

Не говори о бывших ничего,
Не хвастайся поклонников толпою.
Их много так, что кажется порою:
Средь бывших нет меня лишь одного.
Не говори о бывших ничего.
Зачем они? Сегодня я с тобою.

Не лучше ли послушать нам сейчас,
Как ветер ветви за окном полощет?
Пожалуй, это будет в самый раз:
Воспоминаний много есть у нас,
Но нет у нас воспоминаний общих.
Не лучше ль помолчать нам в этот час?

Молчание — оно ведь не пустяк.
И о молчанье тоже вспоминают,
Когда, легко расставшись, понимают,
Что ночь прошла совсем не просто так.
И ветра шум, и вздох, и полумрак
Нередко тоже в памяти всплывают.

Но в чём же смысл явления твоего?
Ты в жизнь мою надолго? Солнцем? Тучей?
Иль завтра же, отбросив одного,
Тебя с другим сведёт нелепый случай?..
Ну ладно... Что ж... Ты хоть его не мучай,
Не говори о бывших до него.

ПОСЛЕДНИЕ ЦВЕТЫ

Несёт старик последние цветы.
Поверх грибов топорщатся в корзине
Ромашка,
Василёк пожухло синий,
Осины ветвь осенней красоты.
Шёлк паутины виснет на суку.
Идёт старик,
Любуясь бабьим летом.
Как пушкинского племени поэтам,
Такие дни по нраву старику.
Пригасло солнце, мыслям не вредит,
Текут, как паутинки полевые.
Одно сегодня душу бередит, —
То, что цветы
Несёт жене впервые.
Кого любил, та руку не дала.
Потом — война,
Потом — нужда, работа,
Опять война,

ВАЛЕНТИНА ОСТАНИНА

* * *

Памяти Николая Рубцова

В рассветный сумеречный час,
Когда так цепки сновиденья,
Внезапно окликают вас
Души летящей откровенья.
Когда на сумрачной стене
Заговорит динамик глухо,
Слова, пронзая дождь и снег,
Коснутся дремлющего уха.
Разбудит вас меж стен чужих
Сосна, качающая кроной,
И обогреет этажи
Теплом души единокровной.
Вмиг станет комната светлей
В том общежитии забытом,
Как будто радуга с полей
Родится над убогим бытом.
Ещё ни лодки, ни весла,
И нет плацкартного билета,
А вас уже навек спасла
Душа, блуждающая где-то.

ПУШКИН УЛЫБАЛСЯ НА ТВЕРСКОМ

Это было в сталинские годы —
По-иному их назвать нельзя.
Жил народ мой, отстояв свободу,
Серп и молот к небу вознося.

В нашей тесной низенькой хатёнке,
Где из кадки — фикус в потолок,
Собирались мужики, бабёнки
За победу пригубить глоток.
За живых и за убитых тосты
Разжигали песенный запал —
Кто-нибудь задумчиво и просто
“Дан приказ” вначале запевал.
Зимний вечер. Подпеваёт вьюга
За окном, но всем тепло у нас —
“Три танкиста, три весёлых друга...”
На столе тарелок перепляс.
Вновь бежал бродяга с Сахалина,
Как переживали за него,
А потом за тонкую рябину,
Что любила дуба одного.
Сам Ермак сидел, объятый думой,
Хаз-Булат с ним рядом удалой,
Стенька Разин, атаман угрюмый,
Разлучённый с бедною княжной.
Проскакал казак через долину,
Отблестело на руке кольцо.
Помню я — от песен Украины
Мама просветлённое лицо.

Вот мой дед слезу прикрыл рукою.
Все умолкли разом — он один
Нежно: “Буря мглою небо кроет” —
Напевал, и Пушкин приходил...

пос. Таврический, Омская обл.

НИКОЛАЙ БОНДАРЕВ

* * *

Осень. Дали тёмно-сини.
Почернели дом и сад.
Гроздья мёрзлые рябины
Горькой памятью горят.
Нет отца — дела остались:
Взброшу косы на чердак,
Двери за год расшатались —
Стали наперекосяк.
Две собаки ходят следом,
Мне работать не дают.
Поругаюсь, стану вредным
На каких-то пять минут...
В доме тишь, наш кот на печке
Растянулся, как гармонь.
Благодать. И близок вечер,
И поёт в плите огонь.
Пахнет лугом мамин чайник,
Чашка выпита до дна.
Жизнь прекрасна и печальна.
В ночь лампадка зажжена.

* * *

День осенний, светлый и субботний.
Голуби, как ангелы, кружат.
Кошка из соседней подворотни
На прогулку вывела котят.

Промелькнул, на бреющем полёте,
Воробей у самого виска.
Даль туманна, в синей позолоте,
Тёплый воздух слаще молока.

Нарастает ощущение чуда,
Совершенства жизни и любви.
И плывут, как будто ниоткуда,
Косяком в полнеба журавли.

Счастье не одежда — не примеришь,
Только где-то рядом есть оно...
Мама открывает окна, двери...
Жаль, что было это так давно!

г. Смоленск

ВАЛЕРИЙ СЕМЁНОВ

РЕЧКИ

Деревня эта носит имя Речки,
и в ней живут чудные человечки, —
две бабушки-сестры, один дедок...
А каждому — аж сто один годок.
С названьями шутил, наверно, дед, —
в округе ни одной речушки нет.
Два домика в деревне, две избушки,
такие же, как дед, и две старушки.
Колодец на троих один да баня,
и дедушку зовут, конечно, Ваня.
На огороде огурцы растут, картошка.
Дедок по вечерам глядит в окошко.
Нет электричества, столбы, подгнив, упали,
а ставить заново для двух домов не стали.
Так и живут в лесной деревне Речки
исконные родные человечки.

* * *

Пришёл Иван и просит два патрона —
от кабанов картошку защитить,
чтоб супротив охотничьих законов
в конце июля зверя застрелить.
Ружьё, мол, есть, припрятано до срока,
ещё давно осталось от отца,
с патронами да с пулями морока,
дают осечки, пробовал с крыльца...

Гляжу я на Ивана и не знаю,
как поступить: иль дать, иль отказать?
А может быть, с какого-нибудь краю
о совести, законе рассказать?
Нет, не поймёт — глаза наивно злые,
и сердце первобытно бьётся в нём,
он так привык, и это не впервые,
вопрос о хлебе разрешать огнём.
Отчаянных, голодных нынче много
в моём судьбой израненном краю...
Смотрю я на Ивана строго-строго,
но два патрона всё-таки даю.

* * *

Иван — живая часть мужского человечества
деревни, где дворов десятка два;
С утра он в “День защитника Отечества”
принёс фунфырь и добрые слова.
“За Родину! — он гаркнул, поднимая
стакан с прозрачной, как слеза из глаз, —
и это первая вовеки, а другая,
другая стопка водочки — за нас!..”
Он защитит, ему я крепко верю,
он не удрал, и верю, — не уйдёт;
он от кинжала защитится дверью,

и подпол в доме перестроит в ДОТ.
Достанет “тулку” ржавую из шкапа,
пяток патронов с пулей-жеребьём,
и от любого, кто попрёт нахрапом,
он защитит деревню и свой дом...
В соседней деревушке жив Егорка,
крутой защитник Родины скобской...

“От двух, — сказал Иван, — всё время горько,
Рванём для сладости по третьей в день мужской!”

г. Москва

АЛЕКСАНДР ЖУКОВ

* * *

На весеннем рассвете, в апреле,
под капель и журчание вод,
я вернулся в ушедшее время,
что во мне неизменно живёт.
Я прошёл по горам отшумевшим,
по весенним, цветущим садам
меж родных и знакомых,
умерших,
что живут, неумершие, там.
Возле яблони старой,
той самой,
что у дома с дощатым крыльцом,
повстречался со старенькой мамой,
с постаревшим, но бодрым отцом.
Погружаясь в заботы былые
с высоты настоящего дня,
я спросил их глазами: “Родные,
как живётся вам здесь без меня?”
И глазами в глаза мои прямо
заглянула и взгляд отвела —
ничего не ответила мама,
до калитки со мною прошла.
И прощаясь со мною, прижалась,
за короткий приход не вина,
улыбнулась (иль мне показалось?)
и крестом осенила меня...

* * *

Проходишь мимо.
Но куда уйти
от этих рук протянутых,
просящих,
от этих глаз
вдоль твоего пути,
уже потухших
и ещё горящих.
Уходишь вдаль.

Но не уйти тебе
от этих ликов, что мертвей умерших,
от этих губ,
обугленных в мольбе,
от этих рук,
в мольбе окостеневших.

г. Москва

ВАСИЛИЙ МИШЕНЁВ

НАД НОЧНОЮ ВОЛОГДОЙ

Над ночью Вологдой
Кружит лёгкий снег.
Я бреду по городу,
Дальний человек.

То, что было прожито,
Вспомнить всё нельзя.
В тихой милой Вологде
Спят мои друзья.

Кто-то в центре города,
Кто-то за мостом...
Кто-то в доме ласковым,
Кто-то под крестом!

Я иду к кому из них?
Где найду ночлег?
Все следы на улице
Засыпает снег!..

* * *

Мне совесть и память
По жизни кричат:
— Ты крест или камень
Несёшь на плечах?

Всё в гору дорога.
Я молча иду.
— Спросите у Бога.
Он дал, я несу...

г. Никольск Вологодской обл.

ТАМАРА НЕЧАЕВА

ДЕТСКИЙ САД

Она была куратором детсада
И принимала здание под ключ.
Здесь было всё, что только детству надо:
Ряд малых форм, бассейн, фонтана ключ.

Детей за символические цены
Растили в тех советских детсадах.
Но кто-то всё кричал про перемены
И поднимал ГУЛАГа пыль и прах.

И зажигал пожары в Карабахе,
Готовил экономики застой.
И вся страна уже лежала в прахе,
Со дна поднялся весь людской отстой.

Тот детский сад давно уж стал борделем,
Та зав. детсадом тронулась умом.
Накрыло право на бесчестье селем
Новейшие Гоморру и Содом.

Горит душа народного героя,
Гиперборея и богатыря.
Я знаю, в мире не прожить без боя,
Как не сберечь заслуги Октября.

И в недрах, и в душе народа — жало.
Пьёт жизнь тоталитарный капитал.
А жизнь себя борьбою утверждала,
Об этом даже кроманьонец знал.

Спаси себя, народ непобеждённый!
Опять судьба ломает нас и гнёт.
Униженный нуждой и оскрблённый,
Не станет чандалою мой народ!

г. Усть-Каменогорск, Казахстан

ВАЛЕНТИНА ТЕЛЕГИНА

* * *

Станиславу Золотцеву

Мы все — из пушкинской метели
На перепутье ста дорог,
Мы крещены в её купели,
Как только вышли за порог.

Плывут ли звоны с колоколен,
Взошла ли рожь, гудит ли шмель, —
Но всё равно над русской долей
Метёт метель, метёт метель.

Ни зги не видно в мутном поле!
Кто там живой?.. Куда свернуть?..
И лишь молитва к Божьей воле
Спасительный укажет путь.

И пусть в неистовом смятенье
Нас кружит жизни карусель, —
Но мы выходим из метели
И возвращаемся в метель...

г. Пермь

ВАЛЕНТИН СОЛОУХИН

НА КРАЮ ДЕРЕВУШКИ

Я жил на краю деревушки
в просторной
крестьянской избушке,
под берёзкой и под вербóй.
Прибегали под окна
зверушки,
был я счастлив,
доволен судьбой.

Был я счастлив,
доволен собой,
когда ветры за стенами пели,
мчались лихо крутые метели,
затихая в лесу под горой,
от морозов закутав ели.

От морозов закутав ели,
на вершинах снега
куржавели.
Зарождался январь набело,
и поля за деревней белели,
словно снега лучили тепло,
Новый год начинался светло.

г. Орёл

ЛАРИСА ТОКУН

УЧИТЕЛЬ

*Для меня Россия — это жалость,
Но не просто жалость, а любовь!*

Владимир Львов

Крестьянский сын. Припал к родной глубинке,
Почуял притяжение души:
Здесь щедрый лес, приметы по старинке,
Сугробы — неизменно хороши,

Как храм берёз — знакомые погосты,
От родников — светлее голова,
Прозрачны судьбы и короче вёрсты,
Исконным смыслом полнятся слова.

Здесь сердце не покроеся коростой:
Вину и память болью не избыть.
Твой дом до удивительного просто
Простил за всё, что горько полюбить.

Ты возвратился в час свой покаянный,
Перед крылечком ветхим дал обет.
Учитель, в этой жизни окаянной
Тебе назад дороги-броду нет.

И выстраданной жалостью к России,
К мальчишкам, бабам, нищим старикам,
В телегу впрягшись, сам, в года косые
Ты тащишь воз по топям — к берегам.

И молишься, поёшь и плачешь, чтобы
Бог дал здоровья родине твоей,
Чтоб школа на деревне стала доброй
И год от года больше малышей.

Тверская обл., дер. Каблуково

ВАСИЛИЙ ФЕДАНОВ

* * *

Когда нет сил за жизнь бороться
И настроенье на нуле,
Я вспомню маму у колодца
И борщ горячий на столе.

И песни, что мы хором пели —
Все о любви да о войне...
Не стихнет боль в уставшем теле,
Но чуть полегче станет мне.

г. Кемерово

АНАТОЛИЙ КОРНИЕНКО

МЕЖ ПРАВДОЙ И ЛОЖЬЮ

Меж горькой правдой и бесстыжей ложью
Расставил вехи хитроумный век.
И среди них всё ищет милость божью
Лишённый права русский человек.

Уже огни былых деяний меркнут,
И тот, кто потерял свою мечту,
Благими обещаниями ввергнут
В слепую безысходность, в нищету.

И подступает до порога горечь,
И обречённость больно душу жжёт.
А веком прочь отброшенная совесть
На помощь никого не позовёт.

И протянулось жизни бездорожье
В глухую даль без края и конца —
Меж тихой правдой и крикливой ложью —
Сквозь русские сиротские сердца.

Смоленская обл.

АЛЕКСЕЙ ЛЫЖИН

* * *

Мы живём у вершины крутого холма
Без засовов, цепей и оград.
Здесь янтарным лучом наполняя дома,
Отражается в окнах закат.

Здесь под плотным навесом седых облаков
Колосится былинный простор
И звенит, рассыпаясь на сто голосов,
Изумрудных кузнечиков хор.

А когда растворяется в сумерках тень
И печная сгущается гарь,
Огоньками окрестных глухих деревень
Окропляется тёмная даль.

И всю ночь освещая крылечко и хлев,
В наших сенях фонарик горит,
И мохнатая бабочка, в дом залетев,
До утра на комодке сидит.

г. Чаплыгин

ИГОРЬ ГОРЕЛОВ

РАЗДУМЬЕ О КНЯЗЕ ИГОРЕ

По берегам с заросшим косогором,
Над тусклой рябью полуночных рек
Наездник скачет с тягостным укором —
Спасённый князь и грешный человек.

Судьба злосчастная его почти украла
В тот чёрный день у царственной судьбы,
Когда б земля в свой зев не принимала
Лучи-знамения наследственной звезды...

И если б предки наши не хранили позже
Плоть разделённой алчностью страны,
Мы бы среди распрей не познали кожей
Прицел другой незримой стороны.

Но что теперь? Кого подвигнет время
Скрепить себя с дружиной и страной,
Вступить в походе в племенное стремя,
Пока земля не сделалась чужой.

Разброд — иль ложь? В крови всегда есть вера,
Кровь и в земле до камня проросла.
Земля для нас всему святая мера,
И торг с ней — нет враждебней ремесла.

Нет славы на крови, но есть спасенье,
Смотреть на солнце свой у всех черёд.
И тёмное имеет то значенье,
Что светлое победу откуёт.

г. С-Петербург

ГАЛИНА СЛЁЗКИНА

“НОВЫЙ ВЕК”

Всё изменилось до неузнаванья:
Двадцатый век ушёл из мирозданья.
Ушли с ним наша музыка и книги,
И стала жизнь, как тяжкие вериги...
Чернеет за окном пустое поле,
Коровье стадо не мычит уж боле.
Не слышно тракторов, не слышно птиц,
Как будто и природа пала ниц...
А грезится весна, и посевная,
И праздничный наряд для Первомая,
Пирушка меж весёлыми друзьями,
Да солнце над зелёными полями...

пос. Уразово Белгородской обл.